

— Где наша Катерина?

Посмотрите только, какая у меня хитрая золовка. Она без конца болтала у меня на глазах о том, чтобы вернуть Катерину. Уже через секунду мне показалось, что она, возможно, забыла, зачем сюда пришла.

— Я не могу увидеться с Катериной.

— Она на ранчо. Отправляйся туда, если так по ней соскучилась.

— Что?

«Ух ты, ты правда стараешься притворяться».

— На ранчо? Она отправилась за молоком?

— Нет.

— Тогда...

— Она там работает.

— Что?

Я слегка склонила голову и подперла подбородок, словно передо мной разыгрывалась настоящая трагедия. Я заметила, что на мгновение взгляд Чарльза переместился на меня. Однако я решила немного его развлечь. Давайте посмотрим, насколько далеко зайдет золовка.

— Ты и вправду выставил ее?

— Она всё ещё в замке.

— Тот факт, что ее выгнали на ранчо, что ее изгнали из дома горничных, означает, что ее выставили! Неудивительно, что я испытывала нужду в том, чтобы навестить Лапель.

— Я знаю, что ты проделала долгий путь, так что не принимай этого близко к сердцу, Эванджелина.

А-а... как мило. Теперь, когда я увидела, как он обращается с золовкой, думаю, у меня не возникнет особенных проблем, даже если приедет свекровь. Однако, даже если никаких

конфликтов и не разразится, я все равно уверена, что меня будут ненавидеть. Так что мне нужно просто улыбаться и держаться твердо.

«Ты же смеешься?» — кажется, именно это хотела спросить Эванджелина, судя по ее широко распахнутым глазам.

Она с трудом удерживалась от того, чтобы не пожирать меня взглядом. Я улыбнулась еще милее и кивнула. От меня не укрылось, как слегка дернулось ее лицо.

«Кажется, я тому причиной».

Точно так же все обстояло, когда я сказала Чарльзу, что хочу развода.

«Что? Развод?»

Когда я вспомнила, как при этих моих словах его лицо медленно исказилось, мне подумалось, что я могу вот-вот рассмеяться в неподходящий момент, так что мне надо держать себя в руках и держать рот на замке.

Кажется, что теперь Эванджелина, судя по выражению ее лица, зашла в тупик. Но это не означало, что она выпустит свою истинную природу на волю.

— Я тебя ненавижу, оппа!

Даже прежде, чем Чарльз успел с ней заговорить, Эванджелина зарыдала и закрыла лицо.

«Готова ставить все свои украшения на то, что эти слезы фальшивые».

Я не могла ей поверить, хотя видела, в насколько драматичной позе она застыла. Может быть, она заплакала от злости, когда не смогла получить желаемое.

«Если ты плачешь на самом деле, то только из-за своего дурного характера».

Забудем о споре на мои украшения. Вот подлинная причина ее плача.

— Если бы ты был на моем месте, тебе тоже это не понравилось бы. Ты знаешь, что Катерина сказала мне?

— Я ничего не слышу, ты так бубнишь. Убери руки и скажи снова.

— Я понимаю.

— Что?

«Вы в ситкоме, что ли, снимаетесь?»

Эванджелина немедленно опустила руки, открывая чистое, без дорожек слез, лицо. Что, у тебя только глаза увлажнились, и все? А мне-то показалось, что заплакала. Выходит, я была далека от истины.

— Ты так холоден.

— Что?

— Катерина сказала, что все это произошло потому, что она не воспитала как следует своих служанок. Но, оппа, разве ты лично ответствен за все проступки своих рыцарей? Нет! Служанка совершила ошибку.

Он бросил на меня лишь один взгляд. Кажется, он хотел мне что-то сказать, но здесь он этого не делает.

— Все эти сведения я получила от Катерины, когда вызвала ее и спросила, что происходит, потому что я хотела ее увидеть. Катерина беспокоилась, что я могу рассказать тебе об этой беседе, ведь тогда герцогиня могла бы неправильно понять ее, снова. Вот что она мне сказала!

«Это больше, чем просто недопонимание».

— Ты знаешь, как долго Катерина обнимала меня и плакала? Эта сильная женщина...

«Она не сильная. Скорее, злобная».

— Матушка была так удивлена, когда услышала о случившемся, — взглянув на Чарльза, она побледнела.

Затем она дотронулась до глаз, словно чтобы проверить, достаточно ли они влажные.

— Ох, матушка так о тебе беспокоится. По крайней мере, пока Катерина была здесь, в этом не было н-н-необходимости...

«Эй, да просто скажи уже все».

Эванджелина притворилась, что завершила свою речь, и вздохнула, скользнув по мне взглядом.

Ты не можешь называть меня ни герцогиней, ни баронессой, поскольку, если ты назовешь меня баронессой, тебя тут же отсюда вышвырнут.

— Если бы золовка приехала, матушка сказала бы, что здесь не о чем беспокоиться. Но из-за того, что Катерина сказала, что ее с нами не будет, матушка так заволновалась, что даже не могла уснуть. Вот почему я приехала сегодня...

— Персона, оставившая замок Диего, кажется, крайне заинтересована в герцогской жизни.

«Подождите, разве же не я говорила это прежде?»

— Оппа!

Он уставился на меня так, словно бы вспомнил, что это говорила я, а затем переключил внимание на Эванджелину.

— И ты тоже. Разве ты не оставила мать в Лапеле и не разорвала связи со мной? Следовательно, чужие дела не должны тебя волновать.

— Когда я...

Услышав его язвительные слова, Эванджелина отвела взгляд и отвернула голову. Она столкнулась лицом к лицу со мной. Ну и что, что я рассмеялась? Мне это должно быть позволено, ведь я не могу имитировать слезы или притворно дуться, как она. В конце концов, она моя родственница и его родная плоть и кровь.

Вы можете задать вопрос, тогда почему же она начинает хмуриться и ведет себя с тобой таким образом? Дело в том, что мы оба не могли с ней спорить.

Если Чарльз не захочет становиться на мою сторону, мне придется вступить в спор и начать шуметь. К счастью, пока он сам неплохо справлялся. Я просто буду стоять в сторонке и наблюдать. Поскольку мне лишь на год больше, чем Эванджелине, мне не стоит выставять ее в еще худшем свете перед Чарльзом, правда?

Ну, это если не считать того, что я уже дразнила ее и смеялась над ней.